

Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв., М., 1970. 176 стр.

Книга известного этнографа-американиста Ю. П. Аверкиевой является первым и пока единственным в советской литературе трудом, специально посвященным хозяйству, социально-экономическим отношениям, политической организации, материальной и духовной культуре индейцев степной зоны североамериканского материка.

Овеянные романтической славой, степные племена воинственных кочевников-коневожов и охотников на бизонов издавна привлекали внимание не только авторов приключенческих романов, но и специалистов-этнографов. Хотя в книге и нет отдельного историографического раздела, читатель получает ясное представление о концепциях американских исследователей по рассматриваемому кругу проблем, так как критический анализ основной литературы имеется почти во всех разделах рецензируемого труда. Следует сказать, что автор, высоко оценивая вклад ряда американских ученых в изучение индейцев прерий и равнин, и прежде всего работы Б. Мишкина и Дж. Юерса, отмечает вместе с тем слабые стороны американской историографии данной проблематики.

Книгу открывает раздел «Этногенез степных племен», в котором дан краткий, но весьма содержательный обзор процесса формирования населения степной зоны Северной Америки.

В одной из основных частей рецензируемого труда выявляется роль коневодства в обществе индейцев степей. Освоение лошади индейцами привело к коренным изменениям не только в хозяйстве и быте, но и во всем общественном строе степных племен. Автор достаточно убедительно показывает ошибочность точки зрения ряда американских этнографов о том, что появление лошади привело лишь к количественным изменениям в примитивном охотничьем хозяйстве индейцев, не затронув его основных качеств. По мнению Ю. П. Аверкиевой, освоение лошади привело к формированию у населения степей нового хозяйственно-культурного типа кочевого коневодства и верховой охоты на бизонов. Основываясь на марксистской методологии, автор обращает особое внимание на социально-экономические изменения общественного строя племен коневодов-охотников, отмечая, что определяющим фактором здесь послужила частная собственность на лошадей, с которой была неизбежно связана имущественная и, следовательно, социальная дифференциация.

Интереснейшие разделы работы посвящены детальному анализу отношений зависимости, зачатков эксплуатации и классовой дифференциации. Вскрывается ошибочность трактовки кочевого общества коневодов как первобытнообщинного, эгалитарного. Ю. П. Аверкиева на конкретных примерах убедительно показывает, что за внешней оболочкой отношений родовой взаимопомощи нередко скрывались отношения эксплуатации. Большое внимание уделяется структуре общин, роду и семье у индейцев. Основной хозяйственной единицей, по мнению автора, были большесемейные общины, которые объединялись в кочевые соседские общины. Очень важен для данной темы аргументированный вывод о том, что у племен, которые большинство американских этнографов считают безродовыми (дакота, чернотопиге, команчи и др.), в прошлом существовала родовая организация.

Значительное место в книге уделено войнам, военной системе, политической организации кочевников и полукочевников равнин и прерий. Подробно рассматриваются военные союзы и их роль в жизни степных племен североамериканских индейцев.

Живо написан небольшой интересный раздел, посвященный народной культуре этих племен. Приводится любопытный материал о зарождении пиктографического письма и о начальных процессах превращения его в идеографическое; весьма интересны данные о народных знаниях. Однако вряд ли правомерно утверждение автора о том, что у индейских степных племен в рассматриваемое время возникли зачатки исторических и естественных наук (стр. 144).

Рецензируемый труд завершается большим разделом о религиозных верованиях. Для автора характерен глубоко исторический подход к религиозным верованиям. Религиозные воззрения индейцев рассматриваются в тесной связи с этногенезом, в них выявляются различные исторические напластования. Анализируются такие формы религиозных верований, как тотемизм, фетишизм, культ личных духов — покровителей, культы животных (лошади, бизона и др.), культ солнца, шаманство и др.

Хотя работа Ю. П. Аверкиевой посвящена определенному региону Нового Света, поднятые в ней вопросы далеко выходят за пределы американистики. Автор широко привлекает параллели по кочевникам степной зоны Евразии и затрагивает многие важные общенациональные проблемы, связанные с кочевничеством. Это тем более ценно, что материалы об американских племенах степных коневодов-кочевников в сущности никем ранее не использовались для разработки «кочевнической» проблематики. Книга Ю. П. Аверкиевой свидетельствует, что изучение истории формирования степных племен кочевников-коневожов, развитие их хозяйственно-культурного типа помогает вы-

яснить некоторые общие закономерности создания кочевого хозяйства, в том числе и у народов Старого Света.

Поскольку охота на бизонов играла важнейшую роль в хозяйстве степных племен индейцев, этнографы нередко делают вывод, что эти племена следует рассматривать только как охотничьи. При этом кочевое коневодство (скотоводство), характерное для этих племен, считается второстепенным занятием, не имеющим определяющего значения для их хозяйственно-культурного типа. При этом, видимо, подразумевается, что для кочевых скотоводов евразийских степей охота почти никакой роли не играла. В книге показана ошибочность подобного подхода. Приводится ряд фактов, свидетельствующих, что охота была достаточно развита и играла важную роль и у степных кочевников Старого Света (скифов в древности, у монголов в средние века, у бурят и ряда других народов степей Евразии в недавнем прошлом). Причем даже в организации охоты у индейцев и степных племен Евразии найден ряд интересных параллелей (стр. 29—31). Это позволяет автору сопоставлять в ряде отношений быт и хозяйство индейцев степей и кочевных скотоводов степной зоны Евразии.

Вместе с тем, может быть, следовало бы более четко показать существенные различия между хозяйственно-культурными типами индейцев-кочевников и верховых охотников, с одной стороны, и степных скотоводов Евразии — с другой. Эти различия особенно четко прослеживаются в хозяйстве: у степных скотоводов Евразии скот давал помалу все основные продукты, чего не было у кочевых индейцев, так как индейцы имели возможность получать в достаточном количестве важнейшие продукты (мясо, шкуры и др.) в результате верховой охоты на бизонов. Однако по мере истребления бизонов указанные различия неизбежно бы исчезли. Несомненно, права Ю. П. Аверкиева, указывая: «Если бы не колонизация, индейцы могли бы продолжать свое развитие после исчезновения бизонов, как чистые скотоводы, подобно коневодам степей Центральной Азии» (стр. 17).

Приведенные в книге материалы о процессе формирования хозяйственно-культурного типа кочевых коневодов-охотников американских степей могут способствовать решению важной проблемы происхождения кочевничества вообще. Известно, что по вопросу о том, с каким исходным хозяйственно-культурным типом связано возникновение кочевого скотоводства у степных племен Евразии, существуют две основные точки зрения. Приверженцы одной (в прошлом эта точка зрения была господствующей) считают, что кочевое скотоводство возникло в результате перехода бродячих охотников, приручивших домашних животных, к кочеванию. Другая, получившая распространение в последнее время, основывается на том, что к кочеванию перешли ранее оседлые скотоводы и земледельцы в связи с ростом стад или по каким-либо другим причинам. Сторонники последней концепции, как правило, исключают возможность непосредственного перехода охотников к кочевому скотоводству. Однако американские материалы показывают, что бродячие охотники могли перейти к скотоводству (коневодству), осваивая животных, уже одомашненных другими народами. Таким образом, можно предположить, что отдельные группы бродячих охотников за крупными копытными в некоторых районах Центральной и Средней Азии в эпоху бронзы заимствовали у своих оседлых соседей домашних животных и перешли к кочеванию, тем более что традиции бродячей охоты, переносное жилище и другие особенности материальной культуры не требовали ломки сложившихся условий жизни. Это, конечно, не означает, что только таким путем шло формирование кочевого хозяйства в степях Евразии. Многочисленные археологические материалы не оставляют сомнений в том, что в ряде районов Средней Азии и Казахстана кочевое животноводство развилось на базе существовавшего ранее комплексного оседлого и полуседлого хозяйства. Однако ряд фактов исторической этнографии степных кочевников Старого Света, а также ценные сведения, приведенные в труде Ю. П. Аверкиевой, указывают и на возможность формирования кочевого скотоводства в степной зоне Евразии на базе хозяйственно-культурного типа бродячих охотников¹.

Представляет интерес ряд приводимых в рецензируемой работе фактов, относящихся к индейцам степей, которые, по мнению Ю. П. Аверкиевой, отражают общесторонний процесс развития у кочевников некоторых явлений материальной и духовной культуры, а также социальных институтов. Соглашаясь в целом с обоснованными заключениями автора, хотелось бы все же отметить спорность некоторых ее положений. Так, например, Ю. П. Аверкиева считает, что появление у индейцев в качестве стремени ременной петли отражает процесс развития стремени также у народов Евразии, поскольку здесь древнейшим стремнем была кожаная петля, известная уже скифам (стр. 24). Но это не совсем верно: скифы вообще не знали стремени, ни кожаного, ни какого-либо другого. Впрочем, в этой неточности нельзя винить автора, так как подобную точку зрения разделяет и часть археологов². У индейцев использование ременной петли

¹ Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, в кн.: «Всеобщая научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов. Секция этнографии, фольклора и антропологии», Тбилиси, 1971, стр. 47—50.

² Подробнее см.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3.

в качестве стремени отражало процесс приспособления к условиям их жизни ряда культурных достижений, привнесенных извне (металлические стремена были в то время недоступны индейцам).

Отметим также, что в рецензируемой книге материалы по истории степных племен Северной Америки в XVII—XIX вв. используются не только для конкретизации многих сторон раннего этапа в развитии кочевого скотоводства, но и для выявления и уточнения закономерностей сложного процесса перехода от доклассового общества к классовому. Проблема становления частной собственности, возникновения имущественной и социальной дифференциации, классов и государства всегда находилась в центре внимания Ю. П. Аверкиевой. Достаточно назвать такие ее работы, как «Рабство у индейцев Северной Америки» (М., 1941), «К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки» («Труды Института этнографии», т. 58, 1960), «Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки» («Труды Института этнографии», т. 70, 1961). Новая ее книга, так же как и предшествующие труды, содержит ценнейший материал, который не может не привлечь внимания всех тех, кто интересуется проблемой становления классового общества.

Вполне понятно, что материалы по истории кочевых племен Северной Америки будут способствовать выявлению общих закономерностей становления классов и государства лишь при учете тех конкретно-исторических условий, в которых происходил у них процесс формирования частной собственности и социального неравенства. В книге специально подчеркивается, что толчком к появлению культуры индейцев-кочеводов и охотников послужила европейская колонизация (стр. 3), что социально-экономическое развитие кочевников Северной Америки шло параллельно с капиталистическим освоением материка и под его воздействием, сначала косвенным, а позднее непосредственным (стр. 169). В частности, огромное влияние на социально-экономическую структуру индейского кочевого общества оказала торговля европейскими товарами (стр. 39—40, 45). В результате индейцы прерий и равнин за два с небольшим века прошли путь, на преодоление которого кочевникам Старого Света потребовались тысячелетия.

Необходимо отделить те стороны общественного развития североамериканских кочевников, которые присущи только им, от тех, которые характерны для всех народов в эпоху перехода к раннеклассовому обществу. Единственный путь, ведущий к цели,— привлечение материалов по другим регионам. Ю. П. Аверкиева сопоставляет формы эксплуатации у степных народов Северной Америки с теми, которые существовали у ненцев, эвенков, якутов и других народов. Это позволяет раскрыть единую природу форм эксплуатации у этих народов. Автор указывает в первую очередь на сдачу богачами скота в аренду беднякам за определенную плату, во-вторых, на работу бедняков в хозяйствах богачей за кров и пищу (стр. 48—52). Кроме того, у североамериканских степняков существовали также отношения данничества (стр. 43—44, 168) и домашнее рабство (стр. 34). «Формой эксплуатации женского труда в кочевом обществе» было, по мнению автора, многоженство (стр. 100).

Автор характеризует первые три формы эксплуатации как «полуфеодальные» (стр. 96), «прафеодальные» (стр. 168). Нам представляется, что такой взгляд вряд ли можно считать в достаточной степени оправданным. В настоящее время становится все более очевидным, что все многообразие форм эксплуатации не может быть сведено к трем основным классическим антагонистическим способам производства (рабство, феодализм, капитализм)³. Причем если все антагонистические способы производства всегда являются и способами эксплуатации, то не все способы эксплуатации обязательно представляют собой особые способы производства (например, данничество). Конечно, данничество, возникнув как определенный способ эксплуатации, может в дальнейшем развитии в конкретных условиях перерасти в определенный способ производства, например в феодализм. Однако это еще не дает основания считать его феодализмом или полуфеодализмом. К числу форм эксплуатации, не являющихся способами производства, в определенных исторических условиях может быть отнесена война с целью грабежа. Как в высшей степени убедительно показано в работе, набеги с целью грабежа представляли в кочевом индейском обществе XIX в. «разновидность промыслового труда», «по существу относились к экономическим условиям существования этого общества» (стр. 109). Именно это обстоятельство дает полное основание говорить о существовании у степняков не просто аристократии, а *военной* аристократии.

В рецензируемой работе говорится о борьбе за власть между наследственной родовой знатью, с одной стороны, и военной аристократией — с другой (стр. 125—128 и др.). Взгляд на родовую знать и военную аристократию как на более или менее отличные друг от друга группы оправдан, когда речь идет о полукочевых племенах, социальная организация которых уходит корнями в их далекое земледельческое прошлое, связанное с развитием ранней государственности на средней Миссисипи. Однако в отношении кочевых племен вопрос может быть решен и несколько иначе. Как указывается в книге, процесс классового образования у индейских кочевников в XVIII—XIX вв. был еще очень далек от завершения. Высший слой их общества непрерывно пополнялся за

³ См. по этому вопросу: Ю. И. Семенов, Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации, в сб.: «Разложение родовой общины и формирование классового общества», М., 1968.

счет энергичных людей из среднего, а нередко и низшего слоев (стр. 53). Добыв, главным образом путем успешных грабительских набегов, богатство, они стремились приобрести влияние и власть. В результате начиналась борьба между «старыми» богачами, уже успевшими закрепить за собой ведущее положение в обществе, и «новыми», стремившимися утвердить свое господство. «Старые» богачи в отличие от «новых» несомненно были меньше заинтересованы в войнах (стр. 138). Но это еще не дает оснований считать их родовой знатью, противостоящей военной аристократии.

В высшей степени интересны приведенные в книге материалы о политической организации степных племен, которую автор расценивает как «начальную стадию зарождения государственности, несшей все характерные черты военной демократии» (стр. 137). Это положение в достаточной степени убедительно аргументировано в рецензируемом труде. Однако имеющиеся в настоящее время в распоряжении этнографической науки факты не позволяют еще, на наш взгляд, с полной уверенностью утверждать, что военная демократия представляет собой универсальное явление. Нельзя исключать возможность того, что в определенных конкретных условиях становление государства может происходить и в иных формах.

В книге Ю. П. Аверкиевой имеются и другие вопросы, по которым можно спорить с автором, но это не только не умаляет ее достоинство, но, наоборот, делает ее еще более интересной и ценной. Отличающаяся богатством материала, глубиной постановки и решения важнейших проблем этнографии, эта работа несомненно представляет собой крупный вклад в советскую историческую науку.

В заключение хотелось бы упрекнуть издательство за то, что в рецензируемом труде, как и во многих других, отсутствуют именной и предметный указатели.

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов
